



Путь к дому дядюшки Монтегю лежал через лес. Тропинка змейкой вилась между деревьев, и, хотя она была не такой уж длинной, а лес — не таким уж большим, эта часть пути каждый раз занимала у меня намного больше времени, чем можно было бы ожидать.

Во время каникул я навещал дядюшку довольно часто. Я был единственным ребенком в семье, и мои родители не очень понимали, как себя вести с детьми. Мой отец, когда хотел быть хорошим отцом, клал руку мне на плечо, а другой указывал на всякие окружавшие нас вещи и делился сооб-

ражениями о них, а когда ничего нового поблизости не наблюдалось, впадал в угрюмую меланхолию и отправлялся поохотиться в одиночестве. Моя матушка, женщина нервного склада, в моем присутствии, казалось, не могла расслабиться ни на миг. Стоило мне шевельнуться, она, тихонько вскрикнув, вскакивала на ноги, а в остальное время чистила и до блеска натирала все, до чего я дотрагивался и на что садился.

— Ну и чудак же он, — как-то за завтраком сказал мой отец.

— Кто — он? — спросила матушка.

— Дядюшка Монтегю, — ответил он.

— Да, и пребоьшой, — согласилась матушка. — Эдгар, а что вы с ним, хотелось бы мне знать, делаете по полдня, когда ты приходишь к нему в гости?

— Он рассказывает мне истории.

— Боже мой! — сказал отец. — Истории... Слышал я от него одну историю.

— Правда? — спросил я в надежде ее послушать, но отец хмуро уставился в тарелку.

— Нет, неправда, — буркнул он. — Проехали.

— Не хочешь, дорогой, — не рассказывай, — сказала матушка. — Я и так знаю: история была просто чудесная.

— О да, — с усмешкой сказал отец. — Еще какая чудесная. Чудеснее не бывает.

Дядюшка Монтегю жил неподалеку от нас. Строго говоря, он приходился мне не дядей, а, скорее, дедушкой — не то двоюродным, не то троюродным. Но поскольку мои родители так и не смогли прийти к единому мнению относительно отдаленности или близости родства с ним, я считал за лучшее называть его просто дядюшкой.

Не припомню, чтобы хоть раз, когда я шел к дядюшке, деревья в лесу стояли одетыми в зеленую листву. Я видел этот лес или голым и морозным, или белым от снега, а листья — палыми, мертвыми и гниющими на земле.

Сразу за лесом тропинка упиралась в хитроумно устроенную калитку — такую, что войти в нее можно было только по одному, а как войдешь, она сама захлопывалась, чтобы овцы не ушли через нее куда не надо. Ума не приложу, зачем между лесом и лугом понадобилась калитка: ни на лугу, ни где-то еще в дядюшкиных владениях мне не попадалось на глаза ни единого живого существа — во всяком случае такого, что хоть как-то могло сойти за домашнюю скотину.

Эта калитка мне никогда не нравилась. У нее была чертовски тугая пружина, которую дядюшка смазы-

вал гораздо реже, чем надо бы. Из-за этого всякий раз, проходя через калитку, я с необъяснимым ужасом чувствовал, что попал в западню. Охваченный глупой паникой, я представлял себе, что сзади на меня надвигается нечто жуткое.

Торопливо потянув на себя скрипучую дверцу и протиснувшись в калитку, я оглядывался назад и, естественно, видел лишь невысокую каменную ограду и за ней все тот же знакомый лес. И все равно, шагая по лугу, я на всякий случай еще разок оглядывался через плечо: так сильно я надеялся (или, вернее сказать, опасался) кого-то — ну или что-то — увидеть. Но так никогда и не увидел.

И все же свой путь к дому дядюшки я не всегда совершал в полном одиночестве. Иногда за мной тайком следовали дети из деревни. У меня с ними не было ничего общего, как и у них со мной, потому что дома я появлялся редко и почти весь год проводил в школе-интернате. Я ни в коем случае не сноб, но мы с ними принадлежали к двум разным мирам.

Иногда — как и в день, о котором идет речь, — я замечал их между деревьев. Они ко мне не приближались и никогда со мной не заговаривали. Только молча стояли в лесном полумраке. Они, без всякого сомнения, старались меня напугать, и это у них получалось. Но я тщательно скрывал страх и, притво-

рившись, будто не обращаю на них внимания, продолжал путь.

Весь луг густо и неровно зарос высокой травой с вкраплениями побуревших сухих головок чертополоха, ворсянки и купыря. По дороге к воротам сада мне попала полоска примятой травы. Пересекая ее, я уловил какое-то копошение в гуще травы и решил, что это, должно быть, кролики или фазаны. У ворот в сад я, как делал это каждый раз, немного помедлил и окинул взглядом дом. Он стоял на небольшом пригорке, как часто стоят церкви, и при этом в окружавшем его, обнесенном стеной саде было что-то от кладбища, а сам дом с его стрельчатыми готическими окнами, шпилями и ажурной каменной резьбой отдаленно походил на церковь. Ворота нуждались в смазке не меньше калитки между лесом и лугом, а засов был таким тяжелым, что моих детских сил едва хватило на то, чтобы его поднять; ледяной, мокрый металл засова холодом обжег мне пальцы до самых костей.

Повернувшись запереть за собою ворота, я, как всегда, посмотрел в сторону родительского дома и удивился, как так получается, что его совсем не видно за деревьями, и почему в исключительной тишине этого места сразу кажется, будто на многие мили вокруг нет ни единой живой души.

От ворот до дядюшкиной двери тропинка шла по лужайке мимо странного сборища фигурных кустов. Не приходилось сомневаться, что некогда эти массивные тисы были пострижены в виде привычных всем конусов и птиц, но уже несколько лет росли на свободе, предоставленные самим себе. Теперь эти одичавшие кусты зловеще обступали дом, приглашая воображение углядеть в своих бесформенных очертаниях подобие клыков, тень кожистого крыла, намек на коготь или глаз.

Разумеется, я понимал, что это всего лишь кусты, однако, к своему стыду, всегда старался как можно быстрее их миновать и, уже стоя у порога, никогда не оглядывался назад. Дядюшку о своем появлении я извещал, ударяя по двери тяжелым медным кольцом, которое свисало из пасти причудливого существа, чья позеленевшая медная физиономия, казалось, застыла в процессе превращения из льва в человека.

После привычного мучительно долгого ожидания, когда я уже был готов еще раз ударить кольцом, дверь распахнулась, а за ней, как всегда, со свечою в руках стоял дядюшка Монтегю. Он улыбался и приветливо кивал головой.

— Не стой на стуже, Эдгар, — сказал он. — Входи, юноша. Входи же.

Я вошел, но, по правде говоря, разницы в температуре между улицей и дядюшкиной прихожей почти не заметил. Даже если она и была, то, я бы сказал, в пользу улицы, потому что никогда ни в одном помещении мне не бывало так холодно, как в доме у дядюшки Монтегю. Готов поклясться, однажды я даже видел на перилах лестницы иней.

Дядюшка повернулся и пошел по выложенному камнем коридору. Я с преданностью мотылька устремился за дрожащим огоньком свечи. Это было одно из чудачеств моего дядюшки: явно не нуждаясь в деньгах, он принципиально не заводил у себя ни электрического, ни, на худой конец, газового освещения и освещал свое жилище — причем весьма скупо — исключительно восковыми свечами. От этого по пути к дядюшкиному кабинету мне приходилось порядком понервничать: я понимал, конечно, что бояться здесь нечего, и тем не менее изо всех сил старался не потерять из виду его спину и огонек свечи и ненароком не остаться одному в тревожной темноте.

Не добавляли мне уверенности в себе и гротескные тени, которые отбрасывало на стены пламя дядюшкиной свечи, пляшущее на вечно гулявших в его доме сквозняках. Тени скакали и кривлялись, отчего возникало не самое приятное ощущение, будто они, зажив своей собственной жизнью, норвят улиз-

нуть со стены и спрятаться под мебелью или затаиться в темных углах под потолком.

Преодолев гораздо большее расстояние, чем можно было ожидать от дядюшкиного дома, если судить о его размерах снаружи, мы оказались в кабинете — просторной комнате с полками по стенам, уставленными книгами и диковинными сувенирами из дальних странствий. Стены были сплошь увешаны гравюрами и картинами; тяжелые шторы скрывали от глаз окна со свинцовым переплетом. За окнами стоял белый день, но солнечного света в кабинет проникало не больше, чем в глубину пещеры.

Пол кабинета покрывал толстый персидский ковер, в рисунке которого преобладал багровый цвет — того же оттенка, что и краска на стенах, и дамастовая ткань штор. В камине пылал огонь, в его отблесках багровый интерьер вспыхивал, пульсируя в такт пляске пламени, как если бы кабинет был живым, бьющимся сердцем дома.

Это была единственная уютная комната из всех, в каких я бывал в этом особняке. Правда, за все многочисленные визиты к дядюшке мне, собственно говоря, ни в одной другой комнате — за исключением уборной — побывать не довелось. Тогда мне это не казалось странным, поскольку наше с дядюшкой

Монтегю общение напоминало скорее не родственные посиделки, а деловые встречи. Мы с ним были по-своему весьма расположены друг к другу, но оба прекрасно понимали, что меня влечет к нему жадность — жадность до историй.

— Садись, молодой человек, и устраивайся поудобнее, — сказал он (как говорил всегда). — Сейчас я позвоню и узнаю, не соблаговолит ли Франц принести нам чаю с кексом.

Дядюшка дернул за длинную ленту, висевшую вдоль камина, и откуда-то из глубины дома донесся едва слышный звон колокольчика. Потом послышались шаги; неспешно приближаясь, они становились все громче и громче, пока наконец не замерли у двери кабинета. Последовали несколько долгих мгновений тишины, которую нарушили три пугающе гулких удара.

Дверная ручка со скрежетом повернулась, и дверь открылась. Того, кто за ней стоял, мне видно не было. Я видел только дядюшку: он шепотом сообщил стоявшему за дверью о том, что мы хотим выпить чая с кексом, после чего дверь медленно затворилась, и теперь звук шагов удалялся, причудливо мешаясь с собственным эхом, словно кто-то семенил, приволакивая ногу.

Хотел бы я описать внешность Франца — вам наверняка интересно знать, был ли он высоким,



или толстым, или светловолосым, — но, увы, сколько раз я ни бывал у дядюшки, Франца я не видал даже краешком глаза.

Мы с дядюшкой Монтегю успели завершить обмен любезностями, а он вдобавок к тому расспросил меня о школьных успехах, когда три звучных удара раздались вновь. Дядюшка открыл и возвратился с подносом, на котором стояли большой фарфоровый чайник, две чашки на блюдцах и тарелка с печеньем и ломтиками кекса. Молочника не было, потому что мы с дядюшкой оба пили чай без молока, зато была вазочка с сахаром. И хотя я ни разу не видел, чтобы дядюшка взял хоть кусочек, он, надо думать, был изрядный сладкоежка — иначе как объяснить, что к концу нашего чаепития вазочка неизменно оказывалась пустой, притом что я сам с малых лет к сахару не притрагиваюсь.

Мы с дядюшкой уселись по сторонам от камина, поднос занял место на столике между нами. Дядюшка поставил локти на подлокотники кресла и сложил пальцы домиком. Потом он откинулся назад, и его лицо скрылось в густой тени.

— Надеюсь, ты добрался без приключений? — спросил дядюшка.

— Да, — ответил я.

— Там, в лесу... ты ничего не видел?

Дядюшка Монтегю часто задавал мне этот вопрос, на который я всегда отвечал одинаково.

— Нет, дядюшка, — сказал я, не видя нужды упоминать о деревенских детях, которые едва ли могли его заинтересовать. — В лесу я ничего не видел.

Дядюшка с загадочной улыбкой отпил чаю и мечтательно вздохнул.

— Ничто не сравнится с ночным лесом, ведь правда, Эдгар? — произнес он.

— Правда, — согласился я, старательно изображая, что имею некоторое представление о том, каким бывает лес ночью.

— Что бы случилось с человечеством, если бы не деревья? — продолжал он. — Древесина, Эдгар, — это главный двигатель цивилизации. Из нее делается все, от плуга до бумаги, от колеса до дома, от рукоятки ножа до парусного корабля. Без деревьев человек был бы никем. — Дядюшка встал подложить дров в камин; языки пламени вскинулись ему навстречу и буквально выхватили полено у него из рук. — Если на то пошло, что отличает человека от животного убедительнее, чем огонь — чем умение использовать его тепло и свет? — На какое-то время мы оба молча уставились на огонь, загипнотизированные его танцем. — Древние скандинавы верили, что наш мир

подвешен на ветвях исполинского ясеня. Ты знал об этом, Эдгар?

— Нет, дядюшка, не знал.

— Теперь будешь знать, — сказал он. — Северные лесные народы всегда по-особенному относились к деревьям. Ведь девственные дремучие леса служили им кладовой строительного материала, топлива и продовольствия... И в то же время эти леса, темные и таинственные, кишели медведями, разбойниками и бог знает кем еще...

— Вы хотите сказать... ведьмами?

В дядюшкиных глазах мелькнул огонек.

— Ведьмами, колдунами, чародеями, лешими, оборотнями...

— Оборотнями? — поперхнулся я.

— Почему нет? — пожал плечами дядюшка Монтегю. — Но суть в том, что северные люди почитали лес и почитали деревья — боялись их и им поклонялись.

— Дядюшка, а как они им поклонялись? — спросил я и взял с подноса печенье; сахара в вазочке уже не было.

— Полагаю, по-разному, — ответил дядюшка. — Римские историки рассказывают нам о священных рощах, о дубах, обогранных кровью...

— Кровью? — переспросил я, едва не подавившись печеньем.

— Ей самой, — сказал дядюшка Монтегю. — В рассказах историков говорится о жертвоприношениях, в том числе человеческих. Кельты, например, обожали трофеи в виде голов побежденных врагов. Отрубленные головы они развешивали на ветвях, наверно, с такой же радостью, с какой твоя мамаша украшает елку на Рождество.

По-моему, ни кельтам, ни моей матушке эти занятия радости, скорее всего, не приносили. Дядюшка улыбнулся, заметив мое недоверие.

— Но зачем поклоняться деревьям? — удивился я.

— Затем, что они более достойны поклонения, нежели многое иное на этом свете, — ответил он. — Ты же знаешь, как долго живут некоторые деревья. Представь, сколько всего они повидали на своем веку. Кое-где на церковных кладбищах встречаются тисы, которым уже больше тысячи лет, они гораздо старше старинных церквей, возле которых растут. Корни у них в одном тысячелетии, а ветви уже в другом. Разве можно не застыть благоговейно при виде великолепного дуба, ясеня или вяза, стоящего одиноким скорбным великаном? — Он снова сложил перед собой кончики пальцев, из мрака сверкнула его волчья улыбка. — Кстати, я знаю историю как раз о таком дереве, — произнес дядюшка. — Хочешь, я тебе ее расскажу?

— Еще как хочу! — В конце концов, ради этого я и пришел.

— Боюсь, для тебя она будет немного страшновата.

— Бросьте, дядюшка. Пустяки, — смело сказал я, хотя в душе не был так уж в этом уверен.

В тот момент я походил на человека, который, дождавшись, пока его кабинка достигнет верхней точки колеса обозрения, начинает сомневаться, стоило ли вообще в нее садиться.

— Прекрасно, — сказал дядюшка Монтегю, глядя на огонь. — Коль так — слушай...